

Пильский П. Записи Чехова. К 35-летию со дня смерти // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1939. 6 августа. № 9679. С. 2, 6.

Записки Чехова

К 35 летию со дня смерти

В самом начале 90-х годов Чехов захотел редактировать беллетристический отдел в московском ежемесячнике «Русская Мысль». Его редактор черноглазый Викт. Викт. Гольцев согласился на это с большим неудовольствием. Ему казалось нелепостью заставлять Чехова читать или исправлять чужие рукописи.

Примерно в 1901 г. появился в «Русской Мысли» рассказ, подписанный: «К—н». Это было странно, так рассказы не подписывают. Если почему-либо надо было скрыть имя автора, легко придумать псевдоним. Да и рассказ был совсем недурен. В чем дело? Я спросил об этом Гольцева.

— Ничего другого мы не могли сделать. Чехов оказался слишком прилежным редактором. В этот рассказ он внес столько своих поправок, что от автора не осталось почти ничего.

Редактором беллетристики Чехов оставался недолго: у него просто отняли этот отдел, и сам он, кажется, не особенно настаивая на продолжении своего редакторства. Подоспела женитьба, стала явной его болезнь. Он уехал в Ялту.

Даже самые добросовестные воспоминания, описывающие личность Чехова, расходятся в определении цвета его глаз. Уверяли, что они были голубые. Более наблюдательные утверждают, что они были темные, почти карие.

В 1905 году изд-во «Знание» выпустило сборник, посвященный памяти Чехова. Там есть воспоминания Куприна. В одном месте он пишет: «Говорят, после него осталось много записных книжек. Может быть, в них со временем найдутся ключи к этим (творческим) сокровенным тайнам? А, может быть, они и на всегда останутся неразгаданными». Впоследствии (1927 г.) «Записные книжки Чехова» были обнаружены. Когда-то Сант-Вез сказал о «Мыслях Паскаля»: «Бесмертные черновики». Это нужно сказать и об этих книжках.

Читая, удивляешься, удивляешься, покоренный разнообразием, глубиной, мгновенной легкостью восприятия, этики афоризмами, подслушанными словами, карикатурными фамилиями.

Кстати: недавно в московской «Литературной газете» критик Горнфельд напечатал статью о фамилиях героев Чехова. Он пришел к заключению, что в их изобретении Чехов проявил много тонкости: каждую фамилию можно объяснить, — так она полно выражает психологию своего носителя. Я думаю, что тут у Горнфельда — просто критический домысел, хитроумные догадки, лукавые натяжки, прельстительная игра ума.

Это доказывают чеховские записки.

Он любил придумывать и курьезные, и забавные, карикатурные фамилии. Горнфельд сравнивал в своей статье фамилии у Чехова с фамилиями Гоголя, и находил, что Гоголевские были наивней и грубей. Но, во-первых, гоголевские люди принадлежали к другому классу, чем люди Чехова. Они были элементарней, проще, резче, и рисовал их Гоголь гиперболично и карикатурно. Очертания чеховских лиц мягче и фамилии у него должны были звучать тоже мягче. Во-вторых, Чехов никогда не ставил целью или правилом избегать нарочито подчеркнутых имен. Наконец, в третьих, фамилии действующих лиц иногда и даже часто представляют одну из авторских забав и шалостей.

Эти забавы и шалости мелькают и пестрят в «Записных книжках» Чехова. Примеров — много. Приведу некоторые фамилии: Чепчик, провизор Проптер, Капитон Иванович Чирый, Г. г. Груш и Полкатынский. Потом идут обычные Товбич, Гремухин, Коптин, встретился Цыбукин. Дальше — забавы: Свинчутка, Чембураклия, Зигзаковский, Ослицин, Дербалыгин, М. И. Кладовая и Алексей Иванович Про-

хладительный или Душеспасительный. Барышня говорит: — «Я бы пошла за него, да боюсь фамилии — Прохладительная». Встретилась Варвара Недотепина, а немец называется Кремертартарлау. Есть дворянин Дрекольев, еврей Цыпчик, появляется Фильдекосов, Попрыгуньев, Кишмиш, Благовоспитанный, Герасим Ящерица, Верстак.

Конечно, Держиморда, Ноздрев, Коробочка — фамилии, указывающие на характер человека. Ну, а Кочкарев, Подколесин, Чичиков и др.? Разве эти фамилии, — или похожие на них, — не могли быть у Чехова?

Интересно заняться этой темой: фамилии героев у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова. Оказалось бы, что иные из этих фамилий должны считаться прозвищами. Другие, вольно или невольно, сознательно или бессознательно, выражают сущность человека, лучше и точнее определяют его склонности, характер, поведение. Третьи рождены игрой, веселой шуткой, авторской шалостью.

Любил Фехов и редкие имена. У него записано, что 11 марта поминуют св. Пионию и Епимаху, а 13 марта Пуплию.

Записывал ласковые и нежные названия: богородицны слезки, малиновка, вороньи глазки. Запомнил смешные слова. Барышня обещает: «Мы будем жить невыносимо близко от вас». Вдруг строчка: «Тирли-тирли-солдатирли». Кто говорит жене: «Я твой законнорожденный муж».

Много читали и читают сочинения Чехова, его повести и рассказы. Гораздо меньше знают его превосходные письма и почти совсем неизвестны записные книжки Чехова — чудесная, неисчерпаемая сокровищница наблюдений, юмористических диалогов, положений, слов, невоплощенных сюжетов, а их без конца. А. А. Измайлов, автор «Опыта биографии Чехова» сказал удачно: «Если бы у нас было нечто подобное литературной академии, ее питомцам можно было бы давать упражнения на материале этой книжки, и талантливый ученик по чеховскому подсказу мог бы создать прелестные этюды».

Почти перед самой смертью, в Ялте, писателю и инженеру Гарину-Михайловскому, хлопывая по записной книжке, Чехов сказал:

— Листов на пятьсот еще неиспользованого материала. Лет на пять работы. Если напишу, семья останется обеспеченной.

Писатель Ал. Митр. Федоров рассказывает в своих воспоминаниях, как Чехов любил обращаться с шутливым предложением к кому-нибудь из писателей: «Купите у меня сюжет рассказа. Дешево уступлю. Особенно если оптом. У меня несколько книжек записных с сюжетами».

Чтобы воскресить в памяти, чтобы постичь всю прелесть этих заметок, нужно было бы переписать по крайней мере, половину этих книжек. Приведу две-три записи.

... Дедушке дают покушать рыбы; но если он не отравляется и остался жив, то ее есть вся семья... «Толстая, пухлая трактирщица — помесь свиный с белугой», — целый портрет. Мысли, подмечания, афоризмы: «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть... Но и влюбленность бывает разная». Примеры-записи: «Когда факельщик оказался в треуголке, во фраке с галунами и с лампасами, то она полюбила его... Еще: «Барыня влюбилась в красивого городского... «Горничная Надя влюбилась в морильщика тараканов». Вздох — «Чем культурнее, тем несчастнее».

Все, знавшие Чехова, отмечают его большую опрятность.

(Окончание на 6 странице)

ЗАПИСИ ЧЕХОВА

(Начало на 2 странице)

— и душевную и физическую. Его записи, предназначенная, как подробности в рассказе: «Постилают, вместо простынь, грязные скатерти». Наблюдение, сделанное с очевидной улыбкой: «Одинокие ходят в рестораны и в баню, чтобы разговаривать».

Чехов был воспитаннейшим человеком в лучшем смысле этого слова: уважал себя, ценил и уважал других. Признание: «Какое наслаждение уважать людей!» Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела.

Советовал писателям никогда не читать своих вещей до напечатания, не слушать никаких советов. Бунину сказал:

— Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять — и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал.

И сам не читал своих произведений, никогда не выступал на вечерах, писал в тишине, взаперти, в своем кабинете. Беллетрист Тригорин в «Чайке» говорит: «Моя печаль, мое богатство, мое святое ремесло!».

Не верил в долговечность своего литературного имени. В письме к А. С. Суворину говорил: «Все, что я написал и за что мне дали премию, не проживет в памяти людей и 10 лет». В другом письме: «Все, мною написанное, забудется через 5—10 лет». Вообще к себе относился отрицательно и несправедливо: «Еле справляюсь с техникой. Слаб еще по этой части и чувствую, что делаю массу грубых ошибок».

Сомневался: «Делом я занимаюсь или пустяками? Критика молчит, публика врет, а чувство мое мне говорит, что я занимаюсь вздором». И Бунину, ночью, в Орианде вдруг сказал: «Знаете, сколько лет еще будут читать меня меня? Семь». — «Почему семь?» — спросил Бунин. — «Ну, семь с половиной».

Собрание своих сочинений Чехов продал издателю «Нивы» Марксу за 75 тысяч рублей, — до жалости дешево, особенно, если вспомнить, что тот же Маркс в 1902 году предлагал Горькому 200 тысяч. Посоветовал Марксу издать Чехова Л. Н. Толстой: «После Тургенева и Гончарова Марксу ничего не останется, как издать Чехова и меня».

Чехова все уговаривали печататься только в толстых журналах, не размениваться, не отдавать своих вещей в еженедельники и газеты. Поэтому Полонскому он писал по этому поводу: «Не все ли равно, поет ли соловей на большом дереве или на кусте?». То же самое говорил и Плещееву, а

Плещеев тогда был одним из редакторов «Северного Вестника».

Кажется, не было писателя, относившегося так враждебно ко всякой форме, напускной лжи, лицемерию, лукавству и фальши. Совершенно не выносил Чехов банкетов, торжественных ужинов, юбилейных празднеств. От участия в них его оберегал еще и юмор. Эти празднества представлялись ему сродно смешным. Можно было бы сделать исключение для Григоровича, старшего писателя, считавшего, что это именно он «открыл Чехова». Но и на этот юбилей Чехов не пришел. Нельзя без улыбки читать воспоминания И. Н. Потапенки о том, как Чехов вдруг «впал в мрачность». Когда к нему вернулся его обычный юмор, он стал произносить отрывочные фразы из какой-то неведомой речи: «Глубокоуважаемый и досточтимый писатель... Мы собрались здесь тесной семьей...». Затем после молчания, опять: «Наша дружная

писательская семья, в вашем лице, глубоко чтимый...». Потапенко спросил: «Что это ты?». — «А это я из твоей речи, которую ты скажешь на обеде в честь Григоровича». — «Почему же из моей? Ты бы лучше из своей что-нибудь». — «Так я же завтра уезжаю». И, действительно, уложился и уехал.

Удивительно, как могло случиться, что этот наблюдательный человек, наделенный таким ясным умом, умевший смотреть без смущения правде в глаза, так долго не замечал своего недуга, — хирел, слабел, кашлял, быстро утомлялся. Как произошло, чем объяснить, что этот врач, привыкший безстрашно смотреть на чужие недуги, — конечно, и на свою болезнь, — мог так долго не обращать внимания на то, что у него — туберкулез. Куприн рассказывает, как одной женщине, жаловавшейся Чехову на бессонницу и нервное расстройство, он сказал спокойно:

— Видите ли: пока у человека хороши легкие, все хорошо.

Знал, и, разумеется, отлично понимал всю опасность болезни, всю свою неумолимую приговоренность. Уже когда все стало непоправимо, болезнь оказалась застарелой, пропущены были все сроки, — только тогда, после обильного легочного кровотечения, Чехов спохватился и у него вырвалось:

— Как это я мог допустить до этого!

Впрочем, Чехов никогда не думал о смерти, не любил говорить о ней, ни в чем, нигде не проявил и страха перед ней. Это подтвердили и его последние минуты.

О. Л. Книппер-Чехова положила ему на грудь мешок с льдом. Он сказал: «На пустое сердце льда не кладут».

Трогательная подробность: Чехов носил брелок с надписью:

— Одинокому — весь мир пустыня.

Петр Пильский.